

ГЕНДЕРНАЯ ИСТОРИЯ

УДК 316.346.2–055.2

СРЕДСТВА КОНТРАЦЕПЦИИ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ РОССИЙСКИХ ДВОРЯНОК НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВЕКОВ¹

Н. А. Мицюк

Смоленская государственная медицинская академия, г. Смоленск

Статья посвящена маргинальной теме для российского исторического дискурса – репрезентации практик, ограничивающих деторождение в дворянских семьях индустриальной России. Активное вовлечение в исследование женских эго-документов позволяет рассмотреть явление «изнутри», репрезентируя взгляд самих женщин на эту интимную проблему. Особое внимание уделяется причинам, по которым средства контрацепции устойчиво входили в жизнь российских дворянок. В заключении делается вывод о том, что, несмотря на негативное отношение дворянок к средствам контрацепции, они охотно ими пользовались, что создавало им условия для поиска новых форм гендерной идентичности. Без контрацептивных практик невозможно было представить выход российской женщины на авансцену российской истории и обретение ею социальной свободы. В результате планирование семьи становилось важной составляющей российских семей высшего сословия.

Ключевые слова: дворянки, гендер, история повседневности, семья, сексуальность, контрацепция.

Проблема использования средств, ограничивающих детородную функцию российской дворянки, – непростая тема для исторической репрезентации, ввиду крайней интимности и табуированности ее содержания. Супружеская контрацепция в дореволюционной России затрагивалась исследователями вскользь: в этнологии в рамках родильного обряда и народных абортивных практик²; в социальной истории и демографии – в контек-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Субкультура материнства в дворянской среде пореформенной России: антропологический и исторический подходы», проект № 14-31-01217.

² Афиногенов А. Жизнь женского населения Рязанского уезда в период детородной деятельности женщины и положение дела акушерской помощи этому населению. СПб., 1903. С. 57; Кабакова Г.И. Антропология женского тела в славянской традиции. М., 2001. С. 201–205.

Afinogenov A. Zhizn' zhenskogo naselenija Rjazanskogo uezda v period detorodnoj dejatel'nosti zhenshhiny i polozhenie dela akusherskoj pomoshhi jetomu naseleniju. SPb., 1903. S. 57; Kabakova G.I. Antropologija zhenskogo tela v slavyanskoj tradicii. M., 2001. S. 201–205.

сте динамики численности населения³; в частной истории – в вопросах, связанных с повседневностью семьи; в гендерной истории – в рамках проблемы материнства⁴. При этом сами по себе практики контрацепции не входили в предмет научного описания, делая данную тему маргинальной для исследования. Впервые вполне открыто способы контроля рождаемости стали рассматриваться в контексте новой для отечественной истории темы – «истории сексуальности» (М. Фуко). Исключительными по своей постановке явились работы профессора истории Принстонского университета Л. Энгельштейн, известного российского ученого И. С. Кона и основателя отечественной школы гендерной истории Н. Л. Пушкаревой⁵. В их

³ Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР / под. ред. А. Г. Вишневого. М., 1977. С. 108, 127; Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): в 2 т. СПб., 2000. Т.1. С. 183.

Brachnost', rozhdaemost', smertnost' v Rossii i v SSSR. / pod. red. A.G. Vishnevskogo. M., 1977. S. 108, 127; Mironov B.N. Social'naja istorija Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.): v 2 t. SPb., 2000. T.1. S. 183.

⁴ Белова А. В. «Четыре возраста женщины»: Повседневная жизнь русской провинциальной дворянки XVIII – середины XIX в. СПб., 2010; *Ее же*. Девичество русской дворянки XVIII – середины XIX в.: телесность, сексуальность, гендерная идентичность // Женщина в российском обществе. 2006. № 4. С. 45–63.

Belova A.V. «Chetyre vozrasta zhenshchiny»: Povsednevnyaya zhizn' russkoi provintsial'noi dvoryanki XVIII – serediny XIX v. SPb., 2010; *Ee zhe*. Devichestvo rossijskoj dvorjanki XVIII – serediny XIX v.: telesnost', seksual'nost', gendernaja identichnost' // Zhenshhina v rossijskom obshhestve. 2006. № 4. S. 45–63.

⁵ Энгельштейн Л. Ключи счастья. Секс и поиски путей обновления России на рубеже XIX–XX веков. М., 1996; Кон И. С. Клубничка на березке: сексуальная культура в России. М., 2010; Пушкарева Н. Л. Сексуальность в частной жизни русской женщины (X–XX вв.): влияние православного и этакратического гендерных порядков // Женщина в российском обществе. 2008. № 2. С. 3–17; *Ее же*. Женщина, семья, сексуальная этика в православии и католицизме. Перспективы сравнительного подхода // Этнографическое обозрение. 1995. № 3. С. 15–29; *Ее же*. Русские лубочные картинки XVIII–XX вв.: начало порнографии или отражение народных эротических воззрений // Левитт М., Топорков А. (ред.) Эрос и порнография в русской культуре. М., 1999. С. 42–54; *Ее же*. «Огнь естественный» или «грех поганый»? Источники по истории сексуальной этики и эротики в доиндустриальной России (X – первая половина XIX в.) // Пушкарева Н. Л. (ответ. ред.). «А се грехи злые, смертные...» Любовь, эротика и сексуальная этика в доиндустриальной России (X – первая половина XIX в.) М., 1999. С. 5–13.

Jengel'shtejn L. Kljuchi schast'ja. Seks i poiski putej obnovenija Rossii na rubezhe XIX–XX vekov. M., 1996; Kon I.S. Klubnichka na berezke: seksual'naja kul'tura v Rossii. M., 2010; Pushkareva N.L. Seksual'nost' v chastnoj zhizni russkoj zhenshhiny (X–XX vv.): vlijanie pravoslavnogo i jetakraticeskogo gendernyh porjadkov // Zhenshhina v rossijskom obshhestve. 2008. № 2. S. 3–17; *Ee zhe*. Zhenshhina, sem'ja, seksual'naja jetika v pravoslavii i katolicizme. Perspektivy sravnitel'nogo podhoda // Jetnograficheskoe obozrenie. 1995. № 3. S. 15–29; *Ee zhe*. Russkie lubochnye kartinki XVIII–XX vv.: nachalo pornografii ili otrazhenie narodnyh eroticheskikh vozzrenij // Levitt M., Toporkov A. (red.) Jeros i pornografija v russkoj kul'ture. M., 1999. S. 42–54; *Ee zhe*. «Ogn' estestvennyj» ili «greh poganyj»? Istochniki po istorii seksual'noj jetiki i erotiki v doindustrial'noj Rossii (X – pervaja polovina XIX v.) // Pushkareva N.L. (otvet. red.). «A se grehi zlye, smertnye...»

фундаментальных исследованиях данная тема не получила широкого раскрытия, в то же время им удалось связать эту, казалось бы, совершенно интимную проблему с динамикой социально-экономических, политических и духовных процессов пореформенной России. И если названные авторы проблему контрацепции рассматривали в рамках официального дискурса (позиции «юристов» и «врачей»)⁶, акцентируя внимание на социально-этической стороне абортных практик, предметом представленной работы стало изучение причинно-следственного комплекса и эмоциональной составляющей данного явления. Я исхожу из того убеждения, что без контрацептивных практик невозможно было представить выход российской женщины на авансцену истории. Этот «механизм», при помощи которого российская дворянка могла преодолеть рамки природного бытия, явился условием обретения ею социальной свободы. Раскрытие этой темы позволяет дать объективные ответы на вопросы, связанные с женской эмансипацией, материнством, положением женщины в гендерной системе общества и путях рационализации женской сексуальности (термин А. Бежен⁷). Вызывают особый интерес следующие вопросы: почему в условиях всеобщего осуждения контрацептивы устойчиво проникали в повседневную жизнь российского общества, и прежде всего в его интеллектуальные круги; почему, когда на Западе активно боролись со средствами контроля рождаемости, часть российского медицинского сообщества настойчиво их пропагандировала, а реклама контрацептивов наполнила столичную и провинциальную прессу.

Для объективизации выводов исследования я опиралась на официальные документы (отчеты родильных отделений, доклады и выступления врачей, статистические данные), материалы периодики (большую ценность представляла работа с рекламными объявлениями столичной и провинциальной прессы) и женские его-документы, позволяющие оценить эмоциональную сторону данного явления. Методы повседневной истории и микроистории, биографические и гендерно-чувствительные методы (термин Н.Л. Пушкаревой) позволили рассмотреть явление в комплексе причинно-следственных связей, а также «изнутри», репрезентируя взгляд самих женщин на эту интимную проблему.

Практика использования средств контрацепции прочно входила в семейную жизнь российского дворянства пореформенной России. К ней прибегали не только «новые женщины» эпохи (термин Л. Энгельштейн), но и провинциальные дамы, погруженные в традиционный уклад помещицкой жизни. Очевидным является тот факт, что средства контрацепции проник-

Ljubov', jerotika i seksual'naja jetika v doindustrial'noj Rossii (X– pervaja polovina XIX v.) М., 1999. С. 5–13.

⁶ Энгельштейн Л. Указ. соч. С. 15, 339–342.

Jengel'shtejn L. Op. cit. S. 15, 339–342.

⁷ Бежен А. Рационализация и демократизация сексуальности // Социология сексуальности. СПб.: Институт социологии РАН, 1997. С. 14–19.

Bezhen A. Racionalizacija i demokratizacija seksual'nosti // Sociologija seksual'nosti. SPb.: Institut sociologii RAN, 1997. S. 14–19.

ли в высшие слои российского общества задолго до обсуждения данного вопроса эмансипированными россиянками в рамках женских съездов и конгрессов начала XX в. Доказательством тому явились вполне объективные свидетельства.

На протяжении второй половины XIX в., согласно статистическим материалам, многочисленным автодокументальным источникам, наблюдалась устойчивая тенденция сокращения числа детей в дворянских семьях в условиях длительного репродуктивного периода супругов. Модернизация российского общества приводила к индивидуализации сознания, рационализации социальных отношений, частные интересы все чаще ставились выше групповых, в том числе и семейных. Рационализация женской дворянской сексуальности пореформенной России воплотилась в стремительном сокращении количества беременностей и родов в их жизни. Дореволюционный исследователь В. Михневич в отношении состоятельных интеллигентных супружеских пар столицы отмечал, что те «боятся детей», смотря на «плодовитость супругов», как на «обузу»⁸. Врач П. Чунихин писал: «Замечается как бы стремление не к полному освобождению себя от детей, а к ограничению их числа»⁹.

Сокращение брачной плодovitости стало предметом для изучения еще в конце XIX в.¹⁰ Данный процесс советский историк А.Г. Вишнеvский характеризовал как становление «нового типа рождаемости»¹¹. И если на Западе складывание «европейского типа брачности» (более поздний возраст вступления в первый брак от поколения к поколению)¹² и соответственно снижение рождаемости имели эволюционный межпоколенный характер, то в России новый тип рождаемости в дворянской среде оформился буквально на протяжении одного поколения дворян. В особенности это касалось населения северо-западных российских губерний, высшие слои общества которых испытывали мощное влияние европейской культуры и

⁸ Михневич В. Язвы Петербурга. Исторические этюды русской жизни. СПб., 1886. С. 396.

Mihnevich V. Jazvy Peterburga. Istoricheskie jetjudy russkoj zhizni. SPb., 1886. S. 396.

⁹ Двенадцатый Пироговский съезд. 29 мая – 5 июня 1913 г. Вып. 2. СПб., 1913. С. 92.

Dvenadcatyj Pirogovskij s#ezd. 29 maja – 5 ijunja 1913 g. Vypusk 2. SPb., 1913. S. 92.

¹⁰ Жбанков Д. Н. Бабыя сторона. Материалы для статистики Костромской губернии. Вып. 8. Кострома, 1891; Его же. Влияние отхожих промыслов на движение населения. СПб., 1895; Его же. К вопросу о плодovitости замужних женщин // Врач. 1889. №13. С. 213–236.

Zhbankov D.N. Bab'ja storona. Materialy dlja statistiki Kostromskoj gubernii. Vyp. 8. Kostroma, 1891; Ego zhe. Vlijanie othozhjih promyslov na dvizhenie naselenija. SPb., 1895; Ego zhe. K voprosu o plodovitosti zamuzhnih zhenshhin // Vrach. 1889. №13. S. 213–236.

¹¹ Вишнеvский А. Г. Ранние этапы становления нового типа рождаемости в России // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. С. 108.

Vishnevskij A.G. Rannie jetapy stanovlenija novogo tipa rozhdhaemosti v Rossii // Brachnost', rozhdhaemost', smertnost' v Rossii i v SSSR. S. 108.

¹² Hajnal J. European marriage patterns in perspective // Population in history. London, 1965. P. 101–143.

европейского образа жизни. Российские историки и демографы сокращение деторождений в дворянской среде объясняли преимущественно социально-экономическими факторами и, как следствие, разрушением традиционной семьи, что выражалось в увеличении разводов и случаев раздельного жительства супругов, повышения брачного возраста и пр. В то же время очевидно, что без использования специальных средств контрацепции формирование «нового типа рождаемости» не представлялось возможным.

Известный отечественный социальный историк Б. Н. Миронов, исследуя рождаемость начала XX в., с помощью нехитрых подсчетов, пришел к выводу, что к 1910 году средствами контрацепции пользовалось около 125 тысяч женщин. Логика его вычислений такова: «В 1859–1863 годах число внебрачных детей составляло 99 тысяч, а их доля среди всех новорожденных – 3,4 %. Если бы женщины не принимали мер против рождения внебрачных детей, то их число должно было бы составить в 1910 году 232 тысяч. Между тем фактически было зарегистрировано 106 тысяч внебрачных детей»¹³. Однако данные подсчеты далеки от реального положения дел, так как исследователь основывался исключительно на внебрачной статистике.

Доказательством рационального подхода в вопросах планирования дворянских семей явились указания на это врачей, писателей и публицистов. На страницах популярной медицинской работы автор в отношении деторождения писал: «Дети, составлявшие основную цель брака у наших предков, стали теперь нежеланными гостями, и люди ухищряются всевозможными способами предупредить зачатие»¹⁴. Врач П. Н. Чухнин отмечал, что многие из его пациенток заявляли о своем нежелании иметь детей и, как следствие, прибегали к средствам, ограничивающим деторождение. Он резюмировал: «... у современной женщины существует сильное стремление к ограничению числа беременностей»¹⁵. Даже в академическом журнале «Образование» в статье о повседневных реалиях семьи провинциального чиновника отмечалось, что недостаточность средств на содержание третьего ребенка вынуждала супругов прибегать к ограничению деторождения: «Третий ребенок грозил новыми, непредвиденными расходами, а, следовательно, долгами и уже настоящей, неотвратимой нуждой; и она принимала меры и жила в вечном страхе»¹⁶.

¹³ *Миронов Б. Н.* Указ. соч. С. 183.

Mironov B.N. Op. cit. S. 183.

¹⁴ *Фишер-Дюккельман А.* Женщина как домашний врач. М., 1903. С. 185.

Fisher-Djukkel'man A. Zhenshhina kak domashnij vrach. M., 1903. S. 185.

¹⁵ Цит. по: *Курман М. В.* Воспроизводства населения дореволюционного крупного города (на примере Харькова) // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. С. 241.

Cit. по: *Kurman M.V.* Vosproizvodstva naselenija dorevoljucionnogo krupnogo goroda (na primere Har'kova) // Brachnost', rozhdaemost', smertnost' v Rossii i v SSSR. S. 241.

¹⁶ *Зореч Н. А.* Спрут // Образование. 1906. №3. С. 50.

Zorech N.A. Sprut // Obrazovanie. 1906. №3. S. 50.

В своих публицистических работах Л. Н. Толстой неоднократно обращал внимание на распространившийся «порок» среди интеллигентных женщин – употребление средств, ограничивающих деторождение. В работе «Что же нам делать?» писатель с горечью отмечал, что повсеместно женщины из «богатых классов» «стараятся избавиться от рождения детей»¹⁷. В «Послесловии к “Крейцеровой сонате”», повести, которая спровоцировала активное публичное обсуждение сути плотских отношений, Л. Н. Толстой писал: «...и вне брака и в браке, по совету служителей врачебной науки, стало распространяться употребление средств, лишаящих женщину возможности деторождения, или стало входить в обычай и привычку то, чего не было прежде»¹⁸. Русский классик резко отрицательно относился к распространению контрацептивов, сравнивая это «нечто» с «убийством», «искусственным уничтожением деторождения». Его позиция в отношении этого щекотливого вопроса отражала официальную точку зрения на данную проблему. Никто из публичных деятелей 1880–1890-х гг. не осмеливался выступать в защиту контрацепции.

Косвенным доказательством широкого проникновения контрацептивов являлась их массовая реклама в столичных и провинциальных журналах, а также упоминания их использования в автодокументальных источниках.

Контрацепция являлась не столько модной тенденцией высшего сословия, сколько объективным следствием процессов, происходящих в российском обществе. Во многом определяющим был экономический фактор. Разорение дворянского сословия, процесс урбанизации дворянства приводили к тому, что многочисленные семьи становились непомерной обузой. С другой стороны, трансформация российской семьи, возросшие случаи развода ставили под угрозу традиционные семейные ценности. По мнению И. С. Кона, именно «рост социальной мобильности и ослабление семейных уз» актуализировали «проблему контроля за рождаемостью»¹⁹. Не стоит сбрасывать со счетов важнейший фактор – процесс женской эмансипации, который наносил существенный удар по семейным ценностям и давал возможность женщине преодолеть довлевшую над ней перспективу бесконечных беременностей, родов и материнства. При этом контрацепция использовалась как эмансипированными дамами, так и вполне рядовыми дворянками. На смену «безразличных матерей» доиндустриальной России пришли «осознанные матери», которые от своих предшественниц отличались тем, что ро-

¹⁷ Толстой Л. Н. «Так что же нам делать?» // Собр. соч.: в 22 т. М., 1983. Т. 16. С. 391–392.

Tolstoj L.N. «Tak chto zhe nam delat'?» // Sobr. soch.: v 22 t. M., 1983. T. 16. S. 391–392.

¹⁸ Толстой Л. Н. Послесловие к «Крейцеровой сонате» // Собр. соч.: в 22 т. М., 1982. Т. 12. С. 198.

Tolstoj L.N. Posleslovie k «Krejcerovoj sonate» // Sobr. soch.: v 22 t. M., 1982. T. 12. S. 198.

¹⁹ Кон И. С. Указ. соч. С. 106.

Kon I.S. Op. cit. S. 106.

жали значительно реже (могли позволить самостоятельно регулировать беременность), однако целиком и полностью отдавались заботе о своих немногочисленных детях. Кроме этого, причина активного вхождения контрацептивов в повседневность российского общества была тесно связана с распространением половой свободы населения, которая была опасна внебрачными детьми и угрозой заражения венерическими заболеваниями, широко распространенными в российском обществе к началу XX в.

Вхождение средств контрацепции в повседневную жизнь замужних дворянок было сложным и противоречивым явлением. В массовом сознании стойко сохранялось средневековое представление о преступности предохранения от беременности, которое наряду с «плодоизгнанием» (абортом) и детоубийством именовалось не иначе, как «душегубство». В условиях всеобщей критики, как представителями церкви, так и врачебным сообществом, низким уровнем сексуального просвещения населения и прежде всего женской части, любые способы предохранения воспринимались дворянками как нечто аморальное и омерзительное.

Однако определить, что чувствовали дворянки, находясь перед сложным выбором – использовать или не использовать средства контрацепции, крайне сложно, ввиду табуированности и во многом сакральности для самих женщин этой темы. Единственным источником, позволяющим судить об эмоциональных переживаниях женщин, являются документы личного происхождения. Но и на страницах женских дневников проследить эмоциональные переживания дворянок, связанных с этой щекотливой темой, обнаружить крайне сложно. Для подавляющего большинства благовоспитанных дворянок факт вмешательства в естественный закон репродукции был не приемлем. В связи с этим, если они и решались на ограничение деторождения, то стремились перед собой, знакомыми и потенциальными чтецами их дневниковых записей найти достойное оправдание своему поведению. Исключительное «право не рожать», которое не встретило бы общественных пересудов и самобичевания, могли дать врачи. Врачебные заключения стали первым и единственным моральным объяснением для самих дворянок возможности выйти за пределы бесконечной цепи беременностей, родов и материнства. На страницах дневников, в личной переписке замужние дворянки охотно цитировали своих докторов, которые по тем или иным причинам советовали женщинам отказаться от возможных беременностей. При этом содержание этих рекомендаций могло быть достаточно расплывчатым. Княжне Ирине Юсуповой, племяннице императора, врачи советовали «не иметь детей» пока организм «не окрепнет»²⁰. А.А. Знаменская, родив пятого ребенка, сообщала: «Акушер не велел ро-

²⁰ Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 1290 (Фонд кн. Юсуповых). Оп. 2. Д. 2610. Письма и телеграммы графа Ф.Ф. Сумарокова-Эльстон к матери З.Н. Юсуповой. Л. 28.

Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). F. 1290 (Fond kn. Jusupovyh). Op. 2. D. 2610. Pis'ma i telegrammy grafa F. F. Sumarokova-Jel'ston k materi Z. N. Jusupovoj. L. 28.

дить больше. Истощены силы»²¹. Главным аргументом докторов являлась общая слабость здоровья женщины и ее истощение. Как зарубежные, так и отечественные врачи считали, что оптимальным перерывом в зачатии детей являются 3–4 года.

К началу XX в. в распоряжении дворянской женщины были разнообразные средства контрацепции от вполне приличных и даже благородных, до самых «безнравственных». Одним из наиболее распространенных и приемлемых с позиции христианской морали средств контрацепции было супружеское воздержание. «Модель воздержания», «диета удовольствий», по мнению М. Фуко, является традиционной практикой, олицетворяя со времен античности «моральную рефлексию в отношении полового поведения»²². Первыми в защиту «абсолютного полового воздержания» в качестве профилактики беременности стали выступать врачи. Их аргументы были обширны: от христианской добродетели до профилактики половых болезней. Врачи-акушеры на страницах своих работ подчеркивали, что умеренность в половых отношениях – «вернейшее и безвреднейшее» средство против зачатия: «Супруги, имеющие основания бояться увеличения семьи, должны соблюдать крайнюю умеренность»²³. Все иные средства контрацепции признавались ими как противоестественные и безнравственные. «Что мы разумеем под “половым извращением”, не трудно понять. Вообще каждый вид сношения, уклоняющийся от нормы, и вреден, и безнравственен», – писала врач А. Фишер-Дюккельман²⁴. Умеренность в их трактовках предполагала совершение coitus не более 1–2 раз в месяц. Невоздержанностью супругов они объясняли истощенность женского организма и трудность последующих беременностей и родов.

В защиту воздержания выступали общественно-политические деятели. В частности, возникшие в России общественные объединения под общим названием «Союзы воздержания», куда входили люди из различных социальных кругов, преследовали цель пропаганды сексуального воздержания супругов²⁵. Л. Энгельштейн видела в этих процессах морально-политический подтекст: «... принадлежавшие к высшим классам ревнители морали и культурной иерархии, получив доступ к институтам власти, стали

²¹ Российский государственный архив литературы и искусства (далее – РГАЛИ). Ф. 142 (Фонд А. С. Глинки). Оп. 1. Д. 383. Л. 31.

Russian State Archive of Literature and Art (RGALI). F. 142 (Fond A. S. Glinki). Op. 1. D. 383. L. 31.

²² Фуко М. Использование удовольствий. История сексуальности: в 3 т. М., 2004. Т. 2. С. 32, 36, 182.

Fuko M. Ispol'zovanie udovol'stvij. Istorija seksual'nosti: v 3 t. M., 2004. T. 2. S. 32, 36, 182.

²³ Фишер-Дюккельман А. Указ. соч. М., 1903. С. 174.

Fisher-Djukkel'man A. Op. cit. M., 1903. S. 174.

²⁴ Там же. С. 186.

Ibid. S. 186.

²⁵ Кон И. С. Указ. соч. С. 124.

Kon I.S. Op. cit. S. 124.

опасаться, что и они сами могут не устоять перед силой желания и соблазном личных удовольствий, и поэтому начали фокусировать свое внимание на проблеме мужского самоконтроля и самоограничения»²⁶.

В супружеском воздержании видел добродетель Л. Н. Толстой: «... воздержание, составляющее необходимое условие человеческого достоинства при безбрачном состоянии, еще более обязательно в браке»²⁷. «Крейцера соната» стала гимном писателя половому воздержанию супругов, к которому он призывал «во имя нравственности»²⁸. Повесть произвела огромное впечатление на российскую интеллигенцию, среди которой появились апологеты полового воздержания. В частности, С. Ф. Шарапов в интимной переписке со своей возлюбленной смоленской дворянкой З. Ф. Коровко указывал на аморальность половых отношений большинства знакомых ему супружеских пар, называя мужей «цивилизованными дикарями» по отношению к своим высоконравственным женам²⁹.

Для многих дворянок половое воздержание становилось наиболее предпочтительным средством контрацепции, ввиду признанной нравственности данного способа. Е. Дьяконова в дневнике в «воздержании» видела единственную защиту от беременности: «Наши мужчины воздерживались бы от сожительства с женами ради блага их собственных детей, ради здоровья своих жен!»³⁰. Однако супружеское воздержание вносило разлады в семейную жизнь и нередко сопровождалось изменами со стороны мужа. Соответственно данный способ, хотя и назывался «вернейшим», но панацеей для ограничения беременности не являлся.

Кроме «воздержания» врачи указывали на использование практики *congressus interruptus* (прерывания полового акта), или, как его предпочитали называть дореволюционные отечественные врачи, – «недоконченного совокупления»³¹. Свидетельством того, что это средство контрацепции имело широкое распространение в обществе, подтверждают результаты первой «половой переписи московского студенчества», проведенной в 1904 г. М. Членовым среди студентов Московского университета. Хотя результаты данной выборки не могут с полным основанием быть распространены на генеральную совокупность, которая в нашем случае представлена женатыми мужчинами и женщинами дворянского сословия, однако они

²⁶ *Энгельштейн Л.* Указ. соч. С. 15.

Jengel'shtejn L. Op. cit. S. 15.

²⁷ *Толстой Л. Н.* Послесловие к «Крейцеровой сонате». С. 198.

Tolstoj L.N. Posleslovie k «Krejcerovoj sonate». S. 198.

²⁸ *Толстой Л. Н.* Крейцера соната // Собр. соч.: в 22 т. М., 1982. Т. 12. С. 146.

Tolstoj L.N. Krejcerova sonata // Sobr. soch.: v 22 t. M., 1982. T. 12. S. 146.

²⁹ Государственный архив Смоленской области (ГАСО). Ф. 121 (Фонд С.Ф. Шарапова). Оп. 1. Д. 1040. Л. 43.

Gosudarstvennyj arhiv Smolenskoj oblasti (GASO). F. 121 (Fond S.F. Sharapova). Op. 1. D. 1040. L. 43.

³⁰ *Дьяконова Е. И.* Дневник Е. И. Дьяконовой. М., 1912. С. 195.

D'jakonova E. I. Dnevnik E.I. D'jakonovoj. M., 1912. S. 195.

³¹ *Жук В. Н.* Недоконченное совокупление // Акушерка. 1902. № 12. С. 316.

Zhuk V.N. Nedokonchennoe sovokuplenie // Akusherka. 1902. № 12. S. 316.

косвенно свидетельствуют о степени распространения «недоконченного совокупления» в сексуальных отношениях. Из 57 % студентов, использующих «меры против зачатия», 25 % прибегали к прерванным половым сношениям³². Несмотря на широкое распространение *congressus interruptus*, врачи относили данный способ к ряду «вредных» для здоровья, «подрывающих силы», «губящих семейное счастье», а также называли его «безнравственным»³³. Они приводили всевозможные отрицательные последствия его использования в семейной жизни: «Постепенное истощение, явление истерии... сюда присоединяются еще болезненные менструации, раздражительность, давление и боль в животе, наконец, неправильные менструации, воспаления, хилость... вот удел тех женщин, которые бессознательно стали жертвой своей противоестественной брачной жизни»³⁴.

В автодокументалистике есть упоминания о том, что дворянки, дабы предотвратить новые беременности, употребляли традиционные средства («пила всякую гадость»), практиковавшиеся с незапамятных времен, – различные настойки, отвары и получившую распространение в XIX в., «сулему»³⁵. Однако зачастую это не приводило к желаемому результату, вызывая заболевания желудка и нервной системы.

В отличие от крестьянских женщин, широко применявших механические способы профилактики и прерывания нежеланной беременности (прыгание с высоких объектов, подъем тяжестей, тугое бинтование и др.), в дворянской среде подобные практики не использовались. Кроме этого в крестьянской среде (реже в рабочей)³⁶ распространённым контрацептивом были длительные кормления детей грудью – вплоть до 2–3 лет. Врач О. А. Шестакова, наблюдавшая молодых матерей, фабричных работниц, отмечала: «Вообще, надо заметить, что у всех матерей наблюдалось стремление кормить ребенка грудью как можно дольше. Причина этого лежит отчасти в твёрдом их убеждении, что при кормлении грудью меньше шансов забеременеть»³⁷. Однако данные практики практически не использовались среди дворянок, так как, если они и прибегали к самостоятельному грудному вскармливанию, оно, судя по дневниковым записям, длилось не

³² Членов М. А. Половая перепись московского студенчества и ее общественное значение. М., 1909. Цит по: Кон И. С. Указ. соч. С. 124.

Chlenov M.A. Polovaja perepis' moskovskogo studenchestva i ee obshhestvennoe znachenie. M., 1909. Cit po: Kon I.S. Op. cit. S. 124.

³³ Фишер-Дюккельман А. Указ. соч. С.186; Жук В. Н. Мать и дитя. Гигиена в общедоступном изложении. СПб., 1906. С. 22.

Fisher-Djukkel'man A. Op. cit. S.186; Zhuk V.N. Mat' i ditja. Gigena v obshhedostupnom izlozhenii. SPb., 1906. S. 22.

³⁴ Фишер-Дюккельман А. Указ. соч. С. 186.

Fisher-Djukkel'man A. Op. cit. S. 186.

³⁵ РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Д.383. Л. 35.

RGALI. F. 142. Op. 1. D.383. L. 35.

³⁶ Двенадцатый Пироговский съезд. С. 84.

Dvenadcatyj Pirogovskij s#ezd. S. 84.

³⁷ Шестакова О. А. «Капля молока» г-жи М.Н. Ольсен-Нобель. СПб., 1910. С. 21–22.

Shestakova O.A. «Kaplja moloka» g-zhi M.N. Ol'sen-Nobel'. SPb., 1910. S. 21–22.

более 6–10 месяцев. То же самое можно сказать и об абортах, которые были широко распространены в народной среде (особенно среди фабричных работниц), но практически не встречались среди дворянок.

В повседневную жизнь дворянок, несмотря на критику со стороны церкви и общественности, прочно входили специальные средства контрацепции. В публицистической литературе авторы их нередко называли «средствами разумной осторожности»³⁸. Первые упоминания на страницах женских дневников об использовании «специальных средств» относятся к 1870-м гг. Отношение врачей к употреблению контрацептивов было амбивалентным. Большая их часть вплоть до начала XX в. в своих работах настойчиво критиковала подобные изделия. Однако именно врачи, судя по мемуарной литературе, первые стали пропагандировать использование средств контрацепции в супружеской жизни. В «Крейцеровой сонате» таких докторов Л. Н. Толстой называет не иначе, как «мерзавцы», а женщин, пользующихся их советами, – «проститутками»³⁹. В то же время А. А. Знаменская в своём дневнике указывала, что именно врач рекомендовал ей применить женские средства контрацепции. Несмотря на появление целого ряда «предохранительных средств», дворянки смотрели на них с опасением, страхом и даже брезгливостью, о чём свидетельствуют строки женских дневников. А. А. Знаменская размышляла над предложением врача воспользоваться женскими предохранительными средствами: «... он говорил о каких то тампонах, губках, да больно, все это пакостно...»⁴⁰. Эти строки провинциальной дворянки свидетельствуют о том, с каким трудом проникали новинки фармацевтической промышленности в традиционную жизнь русской женщины. Сам факт предохранения инородными телами воспринимался некоторыми из них как нечто омерзительное, противоестественное. В связи с чем, даже после настоятельных рекомендаций врачей, женщины отказывались от контрацепции, вопреки своим желанием и медицинским показаниям продолжали рожать. А. А. Знаменская, с восторгом встречавшая рождение первых детей, после рождения седьмого писала: «Детей у нас 7 человек. Чувствую временами усталость от них»⁴¹.

Ежегодно на страницах европейских каталогов, продававшихся в России, публиковались объявления о соответствующих фармацевтических новинках. Богато иллюстрированные каталоги можно было повсеместно приобрести в России, в том числе с помощью почтовой пересылки. В отличие от Европы, где открытая реклама презервативов была запрещена, в

³⁸ Боряковский А. Г. О вреде средств, препятствующих зачатию // Врач. 1893. № 32. С. 886–887.

Bořjakovskij A.G. O vrede sredstv, prepjatstvujushhijh zachatiju // Vrach. 1893. № 32. S. 886–887.

³⁹ Толстой Л. Н. Крейцера соната. С. 155.

Tolstoj L.N. Krejcerova sonata. S. 155.

⁴⁰ РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 383. Л. 31 об.

RGALI. F. 142. Op. 1. D. 383. L. 31 ob.

⁴¹ Там же.

Ibidem.

России подобные объявления можно было встретить как в столичных мужских и женских журналах, так и в провинциальных газетах. К примеру, вот типичное рекламное объявление в дореволюционном женском журнале: «Как предупредить беременность новейшим, верным и безвредным средством. Новое издание 1913 г. с рисунками, рецептами и разными приложениями высылается наложенным платежом и пересылкой за 1 р. 25 к. Адрес: Санкт-Петербург, почтовый ящик № 41»⁴². Каталоги и прейскуранты нередко предлагались бесплатно, являясь отличной рекламной уловкой. От потенциального клиента требовалось только написать письмо с указанием своего намерения ознакомиться с продукцией. Накануне Первой мировой войны в статье с говорящим названием «Самоистребление человечества...» С. Я. Елпатьевский с ужасом отмечал, что противозачаточные средства пользуются огромным спросом даже в провинциальных аптеках⁴³. Таким образом, появление на страницах провинциальных газет с конца XIX в. объявлений о средствах мужской и женской контрацепции, которая стоила относительно дорого, имплицитно позволяет предполагать о её широком распространении в супружеской жизни дворян (по очевидным причинам, данный факт практически не находит отражение на страницах автодокументальной литературы).

Среди мужских средств контрацепции в рекламных объявлениях значились «резиновые изделия» (*rubber good*), «бархатные» презервативы, презервативы «из рыбьего пузыря», кожи с оригинальными названиями «Неверин», «Рамзес», «Нимфа», «Губочка»⁴⁴. Они продавались «дюжиной», которая стоила от одного рубля до четырёх, наиболее дорогими были изделия, сделанные из рыбьего пузыря. По характеру изготовления, форме они мало чем отличались от своих предшественников. Презервативы предназначались для многократного использования. Если в Западной Европе повсеместное распространение презервативы получили после Французской революции, то в России их массовое использование в высших и средних кругах общества началось с середины XIX в., о чём имплицитно свидетельствовали тенденция снижения количества детей в семьях дворян и появление соответствующих объявлений на страницах периодики. К концу XIX в. они повсеместно продавались в аптекарских магазинах, что вызывало критику со стороны общественности. В 1893 г. врач А. Г. Боряковский с горечью писал: «Средства, препятствующие зачатию, так называемые презервативы, приобретают всё большее распространение. В газетах печатаются о

⁴² Реклама // Синий журнал. 1914. № 6. С. 15.

Reklama // Sinij zhurnal. 1914. № 6. S. 15.

⁴³ Елпатьевский С. Я. Самоистребление человечества: по поводу съезда криминалистов в Петербурге // Русское богатство. 1914. № 4. С. 269.

Elpat'evskij S. Ja. Samoistreblenie chelovechestva: po povodu s#ezda kriminalistov v Peterburge // Russkoe bogatstvo. 1914. № 4. S. 269.

⁴⁴ Реклама // Смоленский вестник. 1908. №121. С. 1; Реклама // Синий журнал. 1914. № 6. С. 17.

Reklama // Smolenskij vestnik. 1908. №121. S. 1; Reklama // Sinij zhurnal. 1914. № 6. S. 17.

них рекламы; в аптеках, аптечных складах, инструментальных и резиновых магазинах они всегда в обилии и на самом видном месте»⁴⁵. Дореволюционные исследователи населения Харькова Д. И. Багалей и Д. Миллер также подчёркивали «большое распространение презервативных и abortивных средств», чем объясняли сокращение числа внебрачных детей⁴⁶.

Несмотря на широкое распространение презервативов, прямых ссылок в женской мемуарной литературе на их использование найти не удалось. Репрессированная женская сексуальность, сакральность данной темы не позволяла благовоспитанным дворянкам вести речь об использовании в супружеской жизни подобных средств. Данное средство предохранения, несмотря на массовое использование, представлялось, как в среде медицинской, так и для простых обывателей, как нечто постыдное. Врач А. Фишер-Дюккельман в своей публицистической работе писала о презервативах: «К сожалению, презервативы не лишены серьёзных недостатков. С одной стороны ввиду их несовершенства они отнюдь не могут считаться верным средством, а с другой стороны они всё-таки не вполне безвредны. Поэтому на них надо смотреть, как на меньшее из двух зол, как на уступку нашему прискорбному социальному положению, как на спасительное средство против заражения и, в общем, как на печальную, достойную сожаления, отвратительную необходимость!»⁴⁷. Использование в половой жизни презервативов критиковал известный российский врач-просветитель В. Н. Жук и многие другие⁴⁸. Л. Н. Толстой «предупреждение возможности рождения детей» со стороны мужчин называл «преступлением» против нравственности⁴⁹.

В начале XX в. в России широкое распространение получили «женские предохранительные средства». Европейские врачи предлагали большое количество женских средств контрацепции, которые повсеместно продавались и рекламировались в России. Вызывает удивление, что в условиях господства цензуры в печати, литературного жеманства в отношении половых вопросов, женские презервативы рекламировались повсеместно, открыто, зачастую с указанием интимных подробностей по их применению. В качестве иллюстрации – некоторые заголовки рекламных объявлений

⁴⁵ Боряковский А. Г. Указ. соч. С. 886–887.

Borjakovskij A.G. Op. cit. S. 886–887.

⁴⁶ Цит по: Курман М. В. Воспроизводство населения дореволюционного крупного города (на примере Харькова) // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. С. 241.

Kurman M.V. Vosproizvodstvo naselenija dorevoljucionnogo krupnogo goroda (na primere Har'kova) // Brachnost', rozhdaemost', smertnost' v Rossii i v SSSR. S. 241.

⁴⁷ Фишер-Дюккельман А. Указ. соч. С. 186.

Fisher-Djukkel'man A. Op. cit. S. 186.

⁴⁸ Жук В. Н. Презервативы и их влияние // Акушерка. 1900. № 6. С. 161–178; Боряковский А. Г. Указ. соч. С. 886–887.

Zhuk V.N. Prezervativy i ih vlijanie // Akusherka. 1900. № 6. S. 161–178; Borjakovskij A.G. Op. cit. S. 886–887.

⁴⁹ Толстой Л. Н. Послесловие к «Крейцеровой сонате». С. 198.

Tolstoj L.N. Posleslovie k «Krejcerovoj sonate». S. 198.

провинциальных газет: «Предохранительные средства для женщин. Золотые и серебряные “Прогресс”. По указанию профессора Фореля. Требуйте только патентованный под № 348000. Прибор без упомянутого номера – подделка. Цена золотым: 14–18 р. штука. Серебряные – 7 и 8 р. штука»⁵⁰. Среди женских средств в продаже имелись «предохранительные приборы “Виктория” – 5,5 р. штука»⁵¹, «предупреждающий беременность» прибор «Рефлюкс», основанный на спринцевании особыми средствами, его цена достигала 4 р. 20 к., женские «приборы для гигиены из серебра и кости»⁵². В ряде европейских стран, в отличие от России, реклама контрацептивов была запрещена, поэтому их продавали под видом средств дамской гигиены. Наиболее популярными средствами контрацепции среди россиянок, согласно рекламным объявлениям, были шарики, губки, спринцовки. Простейшим женским «предохранительным» средством считались ватные шарики, смоченные в уксусной воде. К ним прилагались подробные иллюстрированные инструкции по использованию. Схожими по своим действиям были так называемые противозачаточные губки («губочки»), производимые из целлюлозы и резины. Существенными минусами данных средств были «легкость сдвижения с места» и оказание «вредного влияния на нежные внутренние части»⁵³. Если в Западной Европе данные средства контрацепции были популярны до 1900 г., то в России, напротив, они получили распространение в начале XX в.

Надёжными противозачаточными средствами, по мнению врачей, являлись «предохранительные кольца». Наиболее известным в употреблении были кольца докторов Рихтера и Кейва (Cave). Кольцо вводилось в полость матки на длительный промежуток времени. Внутри кольца располагалась трубка, из которой выделялась особая жидкость, которая, «равномерно смачивая со всех сторон устье матки, верно действовала на сперму»⁵⁴. Трубку со специальной жидкостью необходимо было менять через несколько недель. Если «шарики», «губочки», «кольца» имели повсеместное распространение, то такие противозачаточные средства, как «влагалищные кольца», «влагалищные порошокдуватели», пессарии, встречались гораздо реже. Эти противозачаточные средства, известные еще в древнейших цивилизациях, являлись для российской публики новинкой. Пессарии использовали для поддержания матки во время беременности, а также и для недопущения беременности (окклюзионные пессарии), они напоминали современные внутриматочные спирали. Окклюзионные пессарии

⁵⁰ Реклама // СВ. 1908. № 121. С. 1.

Reklama // SV. 1908. № 121. S. 1.

⁵¹ Там же.

Ibidem.

⁵² Реклама // Синий журнал. 1914. № 6. С.1, 17, 18.

Reklama // Sinij zhurnal. 1914. № 6. S.1, 17, 18.

⁵³ Фишер-Дюккельман А. Указ. соч. С. 187.

Fisher-Djukkel'man A. Op. cit. S. 187.

⁵⁴ Там же.

Ibidem.

нередко называли «женскими презервативами». Их носили всё время, за исключением периода менструации. Несмотря на свою надёжность в качестве контрацептива, их использование осложнялось трудностью самостоятельного введения, поэтому они редко применялись. В популярном женском справочнике отмечалось: «Но кто же может постоянно накладывать их правильно, да и вряд ли безразлично для женщины постоянное присутствие такого огромного инородного тела»⁵⁵. С открытием в 1841 г. сперматозоидов Келлером в употребление вошла химическая контрацепция. Спринцевание и «порошковдувание» имело цель «обезвредить» сперматозоиды. Оклюзивный пессарий также использовался в сочетании со спермицидами. В то время как презервативы можно было найти в аптечных магазинах провинциальных городов, женские средства контрацепции заказывались в столице с помощью «выписки» наложенным платежом. Для женщин непременным условием являлось указание в письме количества беременностей и родов.

Большое количество женских средств контрацепции позволяют считать саму контрацепцию не столько мужским, сколько женским делом, ведь, в конечном счете, именно женщины были заинтересованы в ограничении деторождения и появлении возможности самостоятельно планировать собственное материнство, без чего невозможен был сам по себе процесс женского социального освобождения и эмансипации.

Таким образом, к началу XX в. специальные средства контрацепции получили широкое распространение в повседневной супружеской жизни обеспеченных категорий населения. Несмотря на острую критику контрацептивов со стороны литераторов, врачей, публицистов конца XIX в., те же врачи стали пропагандировать их использование в начале XX в.. Данный вопрос обрел особую актуальность в рамках Общества русских врачей и на Пироговском съезде 1913 г. Врачи были вынуждены согласиться с тем, что в выборе между abortивной практикой, масштабным распространением сифилиса и использованием противозачаточных средств последние являются предпочтительными. В своем докладе Я. Е. Выгодский подчёркивал: «Единственным практическим средством, уже в настоящее время значительно ограничивающим производство незаконного выкидыша и обещающим в будущем еще гораздо более значительное вытеснение этого зла, — являются меры, предохраняющие от беременности. Нужно стремиться к усовершенствованию и распространению этих мер»⁵⁶. Научная дискуссия об использовании средств контрацепции проходила параллельно с рассмотрением вопросов, связанных с искусственным прерыванием беременности. Врач М. Покровская, противница abortов, защищала позицию разумно контролируемого деторождения, где женщина свободна в выборе беременеть или нет.

⁵⁵ Фишер-Дюккельман А. Указ. соч. С. 188.
Fisher-Djukkel'man A. Op. cit. S. 188.

⁵⁶ Двенадцатый Пироговский съезд. С. 88.
Dvenadcatyj Pirogovskij s"ezd. S. 88.

Следует отметить любопытный исторический парадокс. В России началось открытое обсуждение необходимости распространения контрацептивов в то время, когда на Западе их использование преследовалось законом, порицалось общественной моралью и вызывало жёсткую критику врачей. Сложно наверняка утверждать, чем был вызван такой либерализм российского закона и профессионального сообщества. Можно предполагать, что в условиях масштабного распространения сифилиса, многочисленных аборт и детоубийств, большого количества брошенных детей использование средств контрацепции было единственной панацеей. Для большинства либерально настроенных врачей средства контрацепции являлись «предохранительным клапаном» от «преступных выкидышей», детоубийств и оставления детей. В то же время в обществе сохранялось амбивалентное отношение к контрацепции. Для большинства дворянок она являлась аморальной, но в то же время к ней часто прибегали. Женские контрацептивы, вопреки критике, получили распространение в высших слоях общества, где не принято было прибегать к абортивным практикам. Не последнюю роль сыграли процессы женской эмансипации, разорения дворянского сословия, которые приводили к тому, что родители не способны были содержать значительное число детей. В свою очередь, появление средств, ограничивающих деторождение, высвобождало женщин от цепи стихийных, бесконечных беременностей, тем самым создавая условия для освоения ею иных сфер деятельности и поиска новых форм гендерной реализации. Планирование семьи становилось важной составляющей российских семей высшего сословия.

Список литературы

1. *Hajnal J.* European marriage patterns in perspective // *Population in history.* London, 1965. P. 101–143.
2. *Афиногенов А.* Жизнь женского населения Рязанского уезда в период детородной деятельности женщины и положение дела акушерской помощи этому населению. СПб., 1903.
3. *Бежен А.* Рационализация и демократизация сексуальности // *Социология сексуальности.* СПб., 1997. С. 14–19.
4. *Белова А. В.* «Четыре возраста женщины»: Повседневная жизнь русской провинциальной дворянки XVIII – середины XIX в. СПб.: Алетей, 2010. 480 с. (Серия «Гендерные исследования»).
5. *Белова А. В.* Девичество российской дворянки XVIII – середины XIX в.: телесность, сексуальность, гендерная идентичность // *Женщина в российском обществе.* 2006. № 4. С. 45–63.
6. *Боряковский А. Г.* О вреде средств, препятствующих зачатию // *Врач.* 1893. № 32. С. 886–887.
7. *Елпатьевский С. Я.* Самоистребление человечества: по поводу съезда криминалистов в Петербурге // *Русское богатство.* 1914. № 4. С. 268–281.

8. *Жбанков Д. Н.* Бабыя сторона. Материалы для статистики Костромской губернии. Вып. 8. Кострома, 1891.
9. *Жбанков Д. Н.* Влияние отхожих промыслов на движение населения. СПб., 1895.
10. *Жбанков Д. Н.* К вопросу о плодovitости замужних женщин // *Врач.* 1889. № 13. С. 213–236.
11. *Жук В. Н.* Недоконченное совокупление // *Акушерка.* 1902. № 12. С. 316–335.
12. *Жук В. Н.* Презервативы и их влияние // *Акушерка.* 1900. № 6. С. 161–178.
13. *Зореч Н. А.* Спрут // *Образование.* 1906. № 3. С. 50–62.
14. *Кабакова Г. И.* Антропология женского тела в славянской традиции. М., 2001.
15. *Кон С.* Клубничка на березке: сексуальная культура в России. М., 2010.
16. *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): в 2 т. СПб., 2000. Т. 1.
17. *Михневич В.* Язвы Петербурга. Исторические этюды русской жизни. СПб., 1886.
18. *Пушкарёва Н. Л.* Сексуальность в частной жизни русской женщины (X–XX вв.): влияние православного и этакратического гендерных порядков // *Женщина в российском обществе.* 2008. № 2. С. 3–17.
19. *Пушкарёва Н. Л.* Женщина, семья, сексуальная этика в православии и католицизме. Перспективы сравнительного подхода // *Этнографическое обозрение.* 1995. № 3. С. 15–29.
20. *Пушкарёва Н. Л.* Русские лубочные картинки XVIII–XX вв.: начало порнографии или отражение народных эротических воззрений // *Левитт М., Топорков А. (ред.) Эрос и порнография в русской культуре.* М., 1999. С. 42–54.
21. *Пушкарёва Н. Л.* «Огнь естественный» или «грех поганый»? Источники по истории сексуальной этики и эротики в доиндустриальной России (X – первая половина XIX в.) // «А се грехи злые, смертные...» Любовь, эротика и сексуальная этика в доиндустриальной России (X – первая половина XIX в.) / отв. ред. Н. Л. Пушкарева. М., 1999. С. 5–13.
22. *Толстой Л. Н.* «Так что же нам делать?» // *Собр. соч.: в 22 т. М., 1983.* Т. 16. С. 391–423.
23. *Толстой Л. Н.* Послесловие к «Крейцеровой сонате» // *Собр. соч.: в 22 т. М., 1982.* Т. 12. С. 198–241.
24. *Фишер-Дюккельман А.* Женщина как домашний врач. М., 1903.
25. *Фуко М.* Использование удовольствий. История сексуальности: в 3 т. М., 2004. Т. 2.
26. *Членов М. А.* Половая перепись московского студенчества и её общественное значение. М., 1909.
27. *Шестакова О. А.* «Капля молока» г-жи М.Н. Ольсен-Нобель. СПб., 1910.
28. *Энгельштейн Л.* Ключи счастья. Секс и поиски путей обновления России на рубеже XIX–XX веков. М., 1996.

CONTRACEPTIVES IN EVERYDAY LIFE OF THE RUSSIAN NOBLEWOMEN AT THE BOUNDARY OF THE XIX–XX CENTURIES.

N. A. Mitsyuk

The Smolensk State Medical Academy, *the Dept of Philosophy*

The article is devoted to a marginal issue for the Russian historical discourse that involves representation of practices limiting childbirth in the noble families of industrial Russia. Active involvement of women's ego-documents into the research provides an opportunity to examine the phenomenon «from inside», and represent women's opinion on this delicate intimate problem. Special attention is paid to the issue of the causes made contraception enter the life of Russian noblewomen. The author arrives at a conclusion about despite the negative attitude of noblewomen to contraception, they willingly used them that made them look for new forms of gender identity. Without contraceptive practices it was impossible for Russian woman to enter the forefront of Russian history and to find of her social freedom. As a result, family planning was progressively becoming an important component of Russian noble families

Keywords: *noblewomen, gender, history of everyday life, family, sexuality, contraception.*

Об авторе:

МИЦЮК Наталья Александровна – кандидат исторических наук, старший преподаватель, кафедра философии с курсом психологии и педагогики, Смоленская государственная медицинская академия, (214019, РФ, г. Смоленск, ул. Крупской, 28), e-mail: ochlokratia@yandex.ru

MITSYUK Natalia Aleksandrovna – the candidate of historical sciences, senior lecture, the Dept of Philosophy, The Smolensk State Medical Academy, (214019, RF, Smolensk, Krupskoi st., 28), e-mail: ochlokratia@yandex.ru

References

- Afinogenov A. Zhizn' zhenskogo naselenija Rjazanskogo uezda v period detorodnoj dejatel'nosti zhenshhiny i polozhenie dela akusherskoj pomoshhi jetomu naseleniju. SPb., 1903.
- Bezhen A. Racionalizacija i demokratizacija seksual'nosti // Sociologija seksual'nosti. SPb., 1997. S. 14–19.
- Belova A.V. «Chetyre vozrasta zhenshhiny»: Povsednevnyaya zhizn' russkoi provintsial'noi dvoryanki XVIII – serediny XIX v. SPb.: Aleteiya, 2010. 480 s. (Seriya «Gendernye issledovaniya»).

- Belova A.V. Devichestvo rossijskoj dvorjanki XVIII – serediny XIX v.: telesnost', seksual'nost', gendernaja identichnost' // Zhenshhina v rossijskom obshhestve. 2006. № 4. S. 45–63.
- Borjakovskij A.G. O vrede sredstv, prepjatstvujushhих zachatiju // Vrach. 1893. № 32. S. 886–887.
- Brachnost', rozhdaemost', smertnost' v Rossii i v SSSR. / pod. red. A.G. Vishnevskogo. M., 1977.
- Dvenadcatyj Pirogovskij s'ezd. 29 maja – 5 ijunja 1913 g. Vyp. 2. SPb., 1913.
- D'jakonova E. I. Dnevnik E.I. D'jakonovoj. M., 1912.
- Elpat'evskij S. Ja. Samoistreblenie chelovechestva: po povodu s'ezda kriminalistov v Peterburge // Russkoe bogatstvo. 1914. № 4. S. 268–281.
- Zhbankov D. N. Bab'ja storona. Materialy dlja statistiki Kostromskoj gubernii. Vyp. 8. Kostroma, 1891.
- Zhbankov D. N. Vlijanie othozhих promyslov na dvizhenie naselenija. SPb., 1895.
- Zhbankov D. N. K voprosu o plodovitosti zamuzhних zhenshhin // Vrach. 1889. № 13. S. 213–236.
- Zhuk V. N. Nedokonchennoe sovokuplenie // Akusherka. 1902. № 12. S. 316–335.
- Zhuk V. N. Prezervativy i ih vlijanie // Akusherka. 1900. № 6. S. 161–178.
- Zorech N. A. Sprut // Obrazovanie. 1906. № 3. S. 50–62.
- Kabakova G. I. Antropologija zhenskogo tela v slavjanskoj tradicii. M., 2001.
- Kon .S. Klubnichka na berezke: seksual'naja kul'tura v Rossii. M., 2010.
- Mironov B.N. Social'naja istorija Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.): v 2 t. SPb., 2000. T.1.
- Mihnevich V. Jazvy Peterburga. Istoricheskie jetjudy russkoj zhizni. SPb., 1886.
- Pushkareva N.L. Seksual'nost' v chastnoj zhizni russkoj zhenshhiny (X–XX vv.): vlijanie pravoslavnogo i jetakraticeskogo gendernых porjadkov // Zhenshhina v rossijskom obshhestve. 2008. № 2. S. 3–17.
- Pushkareva N.L. Zhenshhina, sem'ja, seksual'naja jetika v pravoslavii i katolicizme. Perspektivy sravnitel'nogo podhoda // Jetnograficheskoe obozrenie. 1995. № 3. S. 15–29.
- Pushkareva N.L. Russkie lubochnye kartinki XVIII–XX vv.: nachalo pornografii ili otrazhenie narodных jeroticheskих vozzrenij // Levitt M., Toporkov A. (red.) Jeros i pornografija v russkoj kul'ture. M., 1999. S. 42–54.
- Pushkareva N. L. «Ogn' estestvennyj» ili «greh poganyj»? Istochniki po istorii seksual'noj jetiki i jerotiki v doindustrial'noj Rossii (X – pervaja polovina XIX v.) // Pushkareva N.L. (otvet. red.) // «A se grehi zlye, smertnye...» Ljubov', jerotika i seksual'naja jetika v doindustrial'noj Rossii (X – pervaja polovina XIX v.) M., 1999. S. 5–13.

- Tolstoj L. N. «Tak chto zhe nam delat'?» // *Sobr. soch.: v 22 t. M., 1983. T. 16. S. 391–423.*
- Tolstoj L. N. Posleslovie k «Krejcerovoj sonate» // *Sobr. soch.: v 22 t. M., 1982. T. 12. S. 198–241.*
- Fisher-Djukkel'man A. *Zhenshhina kak domashnij vrach. M., 1903.*
- Fuko M. *Ispol'zovanie udovol'stvij. Istorija seksual'nosti: v 3 t. M., 2004. T. 2.*
- Chlenov M. A. *Polovaja perepis' moskovskogo studenchestva i ee obshhestvennoe znachenie. M., 1909.*
- Shestakova O. A. «Kaplja moloka» g-zhi M.N. Ol'sen-Nobel'. SPb., 1910.
- Jengel'shtejn L. *Kljuchi schast'ja. Seks i poiski putej obnovlenija Rossii na rubezhe XIX–XX vekov. M., 1996.*

Статья поступила в редакцию 20.05.2013